

ПРОЛОГ

Наутро после убийства

(Воскресенье, 16 декабря)

В полседьмого утра “Палас Вербье” был погружен во тьму. Снаружи еще не рассвело и валом валил снег.

На шестом этаже открылись дверцы служебного лифта. Оттуда вышел официант с завтраком на подносе и направился к люксу 622.

Подойдя, он заметил, что дверь приоткрыта. Сквозь щелку просачивался свет. Официант объявил о своем приходе, но никто не отозвался. В конце концов он решил войти, предполагая, что дверь открыли специально для него. Заглянув внутрь, он вскрикнул от ужаса. И тут же убежал — поднять тревогу и позвать на помощь.

По мере того как страшная новость распространялась по “Паласу”, на всех этажах зажигался свет.

В номере 622 на ковре лежал труп.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

До убийства

Глава 1

Любовь с первого взгляда

В начале лета 2018 года, отправляясь в “Палас Вербье”, фешенебельный отель в Швейцарских Альпах, я был далек от мысли, что свой отдых мне придется посвятить распутыванию преступления, совершенного в этих стенах много лет назад.

Вообще-то я надеялся слегка развеяться после пары катаклизмов в личной жизни. Но прежде чем рассказать, что случилось тем летом, я должен вернуться к истокам этой истории, а именно к смерти моего издателя Бернара де Фаллуа.

Бернару де Фаллуа я обязан всем.

Мой успех и известность — его рук дело.

Благодаря ему меня стали называть *писателем*.

Благодаря ему меня стали читать.

Когда мы познакомились, я уже писал, но вообще не издавался. Он превратил меня в романиста, которого читают во всем мире. Этот вальяжный патриарх был одним из самых видных деятелей издательского мира Франции. Для меня он стал учителем и, прежде всего, несмотря на шестьдесят лет разницы в возрасте, близким другом.

Бернар умер в январе 2018-го, на девяносто втором году жизни, и я — как и приличествует писателю — сел сочинять о нем книгу. Я ушел в нее с головой, запершись в кабинете у себя дома, на проспекте Альфреда Бертрана, 13, в женевском квартале Шампель.

В таком состоянии я просто не выношу ничего присутствия, за исключением Дениз, моей помощницы. Добрая фея Дениз любит нянчиться со мной. У нее всегда хорошее настроение, она составляет мне расписание, сортирует и систематизирует письма читателей, редактирует и вычитывает мои тексты. Помимо этого, ей случается забивать до отказа холодильник и пополнять запасы кофе. Ну и наконец, взяв на себя обязанности судового врача, она может ворваться в мой кабинет, словно на борт корабля, вернувшегося из дальнего плавания, и буквально замучить меня полезными советами.

— Вон отсюда! — любезно приказывает она. — Пойдите прогуляйтесь по парку, проветритесь немного. Вы часами торчите взаперти!

— Я уже бегал рано утром, — сопротивляюсь я.

— Вам следует регулярно насыщать мозг кислородом!

От нее так просто не отвяжешься.

Эта перепалка стала нашим ежедневным ритуалом. Я послушно выходил на балкон, делал глубокий вдох, заполняя легкие свежим февральским воздухом, после чего, откровенно подкалывая ее, закуривал. Дениз ужасалась и удрученно заявляла мне:

— Знаете что, Жоэль, я, пожалуй, не буду выбрасывать окурки из пепельницы. Так вы поймете хотя бы, как много курите.

Все то время, пока я писал роман, я упрямо соблюдал поистине монашеский распорядок дня, состоявший из трех основных этапов: подъем на рассвете, пробежка, работа до позднего вечера. В каком-то смысле именно благодаря этой книге я и познакомился со Слоан, моей новой соседкой по этажу. Она переехала сюда недавно, но все обитатели дома только о ней и говорили. Лично я до сих пор еще с ней не пересекался. В то утро, подходя к дому после своего ежедневного марафона, я впервые увидел ее. Она тоже возвращалась с пробежки, и мы вместе вошли в подъезд. Я сразу понял, почему Слоан пользовалась таким успехом — это была молодая женщина, прелестная и обаятельная. Мы вежливо кивнули друг другу и скрылись каждый

в своей квартире. Захлопнув за собой дверь, я застыл с открытым ртом. Этой мимолетной встречи мне хватило, чтобы немного в нее влюбиться.

Вскоре мной завладела неотвязная мысль — познакомиться со Слоан.

Первую попытку я предпринял практически на бегу. Слоан выходила бегать почти каждый день, но в разное время. Я часами бродил по парку Бертрана, уже не надеясь с ней встретиться. Потом внезапно она пронеслась по какой-нибудь дальней аллее. Но как правило, я даже не пробовал угнаться за ней и отправлялся ждать ее в подъезде. Я топтался у почтовых ящиков и всякий раз, когда мимо проходили соседи, делал вид, что вынимаю письма. Потом наконец появлялась она, улыбалась мне на ходу, отчего я сразу таял и терялся, и пока я судорожно соображал, что бы выдать такого умного, она исчезала.

Наша консьержка, мадам Арманда, все мне про нее рассказала. Слоан — врач-педиатр, ее мать — англичанка, отец — адвокат, она два года прожила с мужем, но у них не сложилось. Работает в Университетской клинике Женевы то по дневному, то по ночному графику — теперь понятно, почему мне не удавалось вычислить ее расписание.

Поскольку пробежки не принесли желаемого результата, я решил изменить тактику и поручил Дениз понаблюдать в глазок за лестничной площадкой и предупредить меня, когда выйдет Слоан. Заслышав крики Дениз (“Вот она!”), я, весь из себя расфуфыренный и благоуханный, выскакивал из кабинета и как бы случайно возникал на пороге. Но мы только здоровались, не более того. Как правило, она спускалась пешком, что тут же пресекало любую попытку пообщаться. Я шел следом за ней, но что толку? Выйдя на улицу, она мгновенно испарялась. В те редкие дни, когда Слоан садилась в лифт, я терял дар речи и в кабине воцарялось неловкое молчание. В обоих случаях я возвращался домой несолоно хлебавши.

— И что? — спрашивала Дениз.

— И ничего, — бурчал я в ответ.

— Ну вы и осел, Жоэль! Да придумайте же что-нибудь!

— Я стесняюсь.

— Хватит придуриваться! На экране телевизора вид у вас отнюдь не застенчивый!

— Потому что по телевизору вы видите писателя. А Жоэль совсем другой человек.

— Да ладно, Жоэль, какие проблемы: позвоните ей в дверь, вручите букет цветов и пригласите на ужин. Вам что, лень к цветочнику идти? Хотите, я этим займусь?

Как-то апрельским вечером я в одиночестве отправился на “Лебединое озеро” в Женевскую оперу. И в антракте, выйдя покурить, столкнулся со Слоан. Мы не успели толком поговорить, потому что прозвенел звонок на второе действие, и она предложила пойти выпить после спектакля. Мы встретились в кафе “Ремор”, в двух шагах от театра. Так Слоан вошла в мою жизнь.

Слоан была красивой, веселой и умной. Мало кто производил на меня такое впечатление. После того вечера в “Реморе” я несколько раз приглашал ее на концерт или в кино. Один раз потащил на вернисаж какой-то несусветной выставки современного искусства, откуда мы сбежали, умирая со смеху, и пошли ужинать во вьетнамский ресторан, который она очень любила. Пару вечеров мы провели в гостях друг у друга, слушая оперу и беседуя о судьбах мира. Я не мог оторвать от нее взгляда, она сводила меня с ума. Мне нравилось в ней все — как она моргала, как поправляла прядки волос, как мило улыбалась, смущаясь, как ломала пальцы с покрытыми лаком ногтями, прежде чем что-то у меня спросить.

Вскоре она уже занимала все мои мысли. Настолько, что я совсем забросил работу над книгой.

— По-моему, вы витаете в облаках, бедный мой Жоэль, — говорила Дениз, замечая, что за последнее время я не написал ни строчки.

— Это все Слоан виновата, — оправдывался я, сидя перед выключенным компьютером.

Мне не терпелось снова увидеться с ней и продолжить наши бесконечные разговоры. Я мог без усталости слушать ее рассказы о жизни и увлечениях, о прожектах и мечтах. Она любила фильмы Элиа Казана и оперу.

Как-то раз, довольно много выпив за ужином в квартале Паки, мы оказались в итоге в моей гостиной. Слоан рассматривала на полках книги и безделушки. Она надолго застыла перед пейзажем Санкт-Петербурга, который достался мне от двоюродного деда. Потом внимательно изучила крепкие напитки в баре. Ей очень понравилась рыбина, украшающая бутылку “Белуги”, и я налил нам по рюмке водки со льдом. Я включил радио на канале классической музыки, которую часто слушал по вечерам. Она ехидно спросила, угадаю ли я композитора. Подумаешь, дело, это был Вагнер. Слоан поцеловала меня под звуки “Валькирии”, обняла и прошептала “хочу тебя”.

Нашим отношениям суждено было продлиться два месяца. Два незабываемых месяца. Но мой роман о Бернаре понемногу одержал верх. Сначала я пытался писать ночами, пока Слоан дежурила в клинике. Но чем дальше, тем больше книга увлекала меня. Как-то вечером она предложила куда-нибудь пойти, и я впервые ответил ей отказом. “Мне надо работать”, — объяснил я. Тогда Слоан отнеслась к этому с пониманием. Она тоже порой задерживалась с пациентами дольше, чем предполагала.

Вскоре я снова отклонил ее приглашение. Она и тут не рассердилась. Поймите меня правильно: я наслаждался каждым мгновением, проведенным в ее обществе. Но мне казалось, что у нас с ней это навсегда и наши междусобойчики будут длиться вечно. Тогда как писательское вдохновение могло вмиг улетучиться, и я просто не имел права упускать его.

Наша первая размолвка произошла как-то ночью, в середине июня, когда, разжав объятия, я встал с ее кровати и оделся.

- Ты куда? — спросила она.
- Домой, — ответил я, как будто это само собой разумеется.
- Ты не останешься со мной?
- Нет, я хочу поработать.

— То есть зашел потрахаться и свалил?

— Мне надо хоть немного продвинуться, — возразил я с виноватым видом.

— Ты что, так и будешь писать как заведенный! — разозлилась она. — Ты сидишь над романом все дни напролет, даже по выходным! Это уже ни в какие ворота не лезет! А меня совсем забыл.

Я чувствовал, что наша любовь грозит угаснуть так же стремительно, как вспыхнула. Надо было действовать. Поэтому несколько дней спустя, накануне отъезда в десятидневный промотур по Испании, я повел Слоан ужинать в ее любимый японский ресторан на крыше “Отеля де Берг”, со сказочным видом на Женевскую гавань. Мы прекрасно провели время. Я пообещал ей, что роману о Бернаре предпочту “наш с ней”, без конца повторяя, как она мне дорога. Мы даже помечтали, что в августе вместе съездим в нашу обожаемую Италию. Вот только куда — в Тоскану или в Апулию? Мы договорились заняться отпускными планами, как только я вернусь из Испании.

Мы просидели в ресторане до часа ночи, пока он не закрылся. Хотя лето только начиналось, ночь выдалась очень теплой. За ужином меня не покидало странное ощущение, что Слоан чего-то от меня ждет. И только теперь, когда мы собрались уходить и я встал, а служащие поспешили вымыть террасу вокруг нас, Слоан спросила:

— А ты забыл, да?

— Что я “забыл”?

— У меня сегодня день рождения...

По моему оторопелому виду она поняла, что не ошиблась. И в ярости ушла. Я попытался удержать ее, рассыпаясь в извинениях, но она села в единственное свободное такси у входа в отель, а я остался стоять на ступеньках, один, как дурак, под насмешливыми взглядами парковщиков. Пока я добрался до своей машины, пока доехал до дома 13 на проспекте Альфреда Бертрана, Слоан уже успела вернуться к себе, отключила телефон и не пожелала открыть мне дверь. На следующий день я улетел в Мадрид и в течение всего моего пребывания там

бесконечно оставлял ей сообщения и писал мейлы, но ответа не получил. У меня не было от нее никаких вестей.

Я вернулся в Женеву утром в пятницу, 22 июня, и узнал, что Слоан меня бросила.

В роли вестника выступила Арманда, наша консьержка. Она перехватила меня, как только я вошел в дом.

— Вам письмо, — сказала она.

— Да?

— От вашей соседки. Она не захотела опустить его в ящик, потому что ваша помощница читает всю почту.

Я сразу вскрыл конверт. В записке было всего несколько строк:

*Жоэль,
у нас ничего не выйдет.
До скорого.
Слоан*

Ее слова ранили меня в самое сердце. Опустив голову, я поднялся к себе в надежде, что хотя бы Дениз скрасит на время мое существование. Дениз, милейшая особа, от которой муж ушел к другой, — символ современного одиночества. А лучшее лекарство от одиночества, как известно, общение с тем, кто еще более одинок! Но я столкнулся с ней на пороге своей квартиры. Дениз явно собралась уходить, притом что не было еще и двенадцати.

— Вы куда? — спросил я, даже не поздоровавшись.

— Здравствуйте, Жоэль, я же говорила, что сегодня уйду пораньше. У меня самолет в три часа.

— Самолет?

— Только не говорите мне, что опять все забыли! Мы же обсудили мой отпуск до вашего отъезда в Испанию. Мы с Риком летим на две недели на Корфу.

С Риком Дениз познакомилась по интернету.

Мы и правда говорили с ней об их поездке. У меня это совершенно вылетело из головы.

- Слоан меня бросила, — объявил я.
- Я знаю и очень вам сочувствую.
- То есть как *вы знаете*?
- Консьержка прочла письмо, которое Слоан ей для вас оставила, и все мне рассказала. Я не рискнула потревожить вас в Мадриде.
- И тем не менее решили уехать?
- Я не намерена отменять отпуск только потому, что от вас ушла очередная подружка! Да вы в два счета найдете ей замену. Вам все бабы глазки строят. Ладно, увидимся через две недели. Оглянуться не успеете! Кроме того, я обо всем позаботилась, голодать не будете. Смотрите!

Дениз поспешно повела меня на кухню. Узнав о моем разрыве со Слоан, она поняла, что я надолго засяду дома. Очевидно опасаясь, что в ее отсутствие я вообще прекращу принимать пищу, она накупила еды на полк солдат, забив провизией все сверху донизу, от кухонных шкафов до морозилки.

После чего она ушла. Бросив меня в полном одиночестве. Я сварил себе кофе и сел за длинную стойку из черного мрамора, вдоль которой стояли в ряд высокие стулья, безнадежно пустые. На этой кухне могли поместиться десять человек, но увы, кроме меня тут никого не было. Я потащился в кабинет и долго маялся там, разглядывая наши со Слоан фотографии. Потом взял карточку из плотной бумаги, вывел на ней имя Слоан и, поставив дату, чтобы запечатлеть ужасный миг расставания, приписал: “22.6 — забыть этот день”. Но мне никак не удавалось выкинуть ее из головы. Все здесь напоминало о ней. Даже диван в гостиной, где я в конечном итоге развалился, напомнил мне, как всего пару месяцев назад на этом месте, вот на этих вот подушках, у меня начался самый потрясающий в жизни роман, который я умудрился пустить под откос.

Я буквально бил себя по рукам, чтобы не постучаться к Слоан и не позвонить ей. К вечеру мне стало совсем невмоготу, и я уселся на балконе, курия сигарету за сигаретой, в надежде, что Слоан тоже покажется и мы “случайно” увидимся. Но мадам Арманда, выйдя погулять с собакой, заметила меня

снизу и, обнаружив все на том же месте, когда вернулась через час, крикнула, приближаясь к подъезду: “Зря ждете, Жоэль! Ее нет. Она уехала в отпуск”.

Я вернулся в кабинет. Мне просто необходимо было бежать отсюда. Я полагал, что, оказавшись на время далеко от Женевы, перестану думать о Слоан. Мне хотелось спокойствия и безмятежности. И тут на столе, в ворохе записок о Бернаре, мне попалось на глаза упоминание о Вербье. Он обожал это место. Почему бы и мне туда не отправиться — насладиться альпийской тишиной и хоть немного прийти в себя. Какая прекрасная мысль. Я включил компьютер, вошел в интернет и почти сразу попал на сайт легендарного “Паласа Вербье”. Быстро прокрутив выложенные там фотографии, я понял, что нашел свое счастье: залитая солнцем терраса, бассейн с джакузи, вид на фантастические пейзажи, интимный полумрак в гостиничном баре, уютные салоны и роскошные люксы с камином. Самое оно. Я нажал “Забронировать” и быстро вписал даты.

Вот так все и началось.